

Мрибуца молодого журналиста

№4(84)

апрель

2008

Приложение к газете Московской консерватории «Российский музыкант»

КОЛЛАЖ НА ФОНЕ АВТОПОРТРЕТА

Так уж случилось, что с развалом Советского Союза на новой политической карте Европы между Россией и бывшими странами «соцлагеря» были прочерчены не только государственные, но и жесткие идеологические границы. Результатом взаимного отчуждения стало то, что сегодня мы почти ничего не знаем о культуре соседних республик, с которыми еще недавно были частью одного государства. Тем временем, вдохнув долгожданного «воздуха свободы», страны эти, кажется, по-новому осознали ценность своей культуры. Сегодня развитие национальных традиций, поддержка национального искусства в бывших союзных республиках поднялись на государственный уровень (чему нам бы следовало у них поучиться).

Литва в этом смысле — пример показательный. Будучи одной из республик, на которые после развала Союза буквально хлынул поток европеизации, она сумела сохранить национальную самобытность. Более того — культура Литвы сегодня переживает подъем во многих сферах. Подтверждением тому служат многочисленные фестивали традиционной и современной музыки, международные музыкальные конкурсы, проходящие на ее территории. Кроме того, среди молодого поколения литовцев выдвинулось немало замечательных театральных режиссеров, актеров, художников, композиторов, получивших признание не только у себя на родине, но и в России, в Европе.

К таким личностям, определяющим облик современной Литвы в сфере искусства, относится и композитор **Онуте Нарбутайте**. Ее творчество — удиви-

тельный пример органичного бытия в мире современной музыки с его броуновским движением. Будучи представителем поколения «постмодерна», она далека от современных технических и электронных исканий в сфере звука, от «новой простоты» и «новой сложности». Музыкальный язык композитора современен, но при этом доступен для чуткого, вдумчивого слушателя. Быть может, потому, что Нарбутайте создает музыку не для апробации очередного технического новшества, звукового «ноу-хау», а для передачи очень серьезных, философских идей, актуальных во все времена.

«Я человек, больше привязанный к прошлому, нежели к XXI веку», — говорит Нарбутайте в одном из интервью, — меня не при-

влекает «технизм», я «анти-технический» человек. Чем больше звучит музыки электроакустической или подобной ей, тем больше меня тянет к натуральному зву-

ку, к музыке, исполняемой традиционными инструментами».

Традиционно, в лучшем смысле этого слова, и отношении композитора к своей профессии: «Искусство, музыка — как остров, где можно побыть, вслушаться, побыть с собой и почувствовать других. Для меня это и молитва, и связь с миром. Когда я пишу музыку, закрывшись в своей комнате, порой ощущаю большую близость к людям, нежели общаясь с ними».

Творчество для Нарбутайте — прежде всего диалог, стремление через материю звука передать послание слушателю, всегда значимое по своему смыслу, искреннее и глубокое.

Именно поэтому в своих сочинениях композитор обращается к вечным темам — жизни и смерти, памяти и забвения, ве-

рны. Таковы крупные произведения последних лет: «Лоскутное одеяние моему городу», 3 «Симфонии трех дней Марии» и др. «Мне кажется абсурдной мысль, что молодежь сегодня уже другая — век техники, скорость, человек меняется, он иначе «потребляет» музыку, — говорит Нарбутайте в другом интервью 90-х годов. — Я уверена, что по сути человек несколько не изменился... Формы духовной деятельности должны помочь сохранить человечность, которая одинакова во все времена. Как-то само собой меня все же охватывает желание говорить не столько о музыке, сколько об общечеловечности, об этических и культурных вещах, потому что с этого все и начинается».

Для музыки Нарбутайте чрезвычайно важны связи с другими видами искусства — архитектурой, литературой, театром, придающие каждому сочинению композитора многослойность и глубину, рождающие ассоциации.

«Идеи приходят отовсюду — из собственного опыта, из жизни в самом широком смысле, из природы, из контактов с другими искусствами, — считает композитор. — Для меня последние очень важны, может потому, что я с детства к этому привыкла, и многое, что, например, деревенский ребенок чувствует и понимает через природу, ко мне пришло через книги, театр, живопись, музыку».

Музыке Нарбутайте присущи хрупкость и вместе с тем философская глубина. В ней сильно интуитивное, чувственное начало, и вместе с тем она покрывает изысканной интеллектуальной игрой. Не случайна любовь композитора к камерной

музыке, рассчитанной на интеллектуального слушателя, к жанрам, позволяющим тонко подчеркнуть детали и нюансы.

Важно и то, что творчество Нарбутайте — плоть от плоти литовской культуры, ее стиль — настоящему самобытен и при этом ярко национален. Свою принадлежность к литовской культуре подчеркивает сама композитор: «Я связана с тем, что меня окружает, среди чего я выросла... мне не импонирует «общая музыка». Может, потому музыка из наших краев как-то цепляет слушателей, что за этой музыкой виден автор, человек...»

И эта национальная самобытность привлекательна для европейской публики, что подтверждает внимание к Нарбутайте многих европейских фестивалей: в Шлезвиг-Гольштейне, «А—Devantgarde» в Мюнхене, фестивали камерной музыки в Каустинене, куда Нарбутайте была приглашена в качестве «Композитора года».

Кроме того, произведения Нарбутайте звучали на фестивалях в Стокгольме, Одензее, Хайдельберге, на «Варшавской осени» (1994, 1997), на фестивалях «De Suite Musikweek» в Амстердаме (1995), Artgenda — 96 в Копенгагене и «Frau Musica» в Кельне (1998).

Удивительное качество художественного мира Онуте Нарбутайте сформулировала литовский литературовед Виктория Дауэтите: «Значительное явление в нашей культуре — музыка Нарбутайте, как-то особенно, быть может специфически по-женски, сохраняющая хрупкие мгновения бытия».

Ксения Ноговицына,
студентка IV курса ИТФ

РУССКИЙ ВЕРДИ

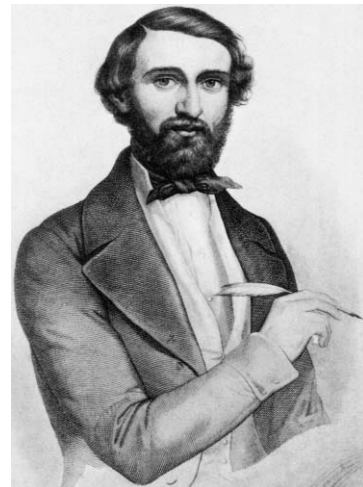
«Травиата» занимает особое место в творчестве Верди. Это, пожалуй, единственная среди его опер, где почти отсутствует театральная эффектность. Ничто не отвлекает от душевного мира героини и ее трагической судьбы. С удивительной психологической тонкостью показывает композитор эволюцию образа героини, совершающей во имя любви подвиг самоотречения.

В постановке Санкт-Петербургского Михайловского театра действие «Травиаты» перенесено из XVIII приблизительно в середину XIX века. Такое передвижение ничуть не повредило опере. Наоборот, музыка стала естественнее сливаться со временем действия.

Несомненный интерес представляет исполнение партии Виолетты молодой певицей *Ольгой Шаниной*. Ее голос не поражает силой, яркостью тембра, виртуозным блеском. Это искусство нежное, тонкое, даже хрупкое, но изящное, трогательное и проник-

новенное. В пении Шаниной столько простоты и естественного тепла, что все виртуозные трудности, с которыми певица легко справляется, остаются для слушателей незаметными. Когда она впервые появляется на сцене, зритель не сразу признает в скромной фигурке героиню вердиевской оперы — настолько весь облик Виолетты прост и безыскусственен. В памяти оживают строки из романа Дюма: «В ней была видна непорочная девушка, которую ничтожный случай сделал куртизанкой, и куртизанка, которую ничтожный случай мог превратить в самую любящую, самую чистую женщину». По мере того как разворачивается драма Виолетты и нарастают ее страдания, слушатель все больше проникается сочувствием к ее героине. Уже в сцене-дуэте с Жермоном Виолетта-Шанина привлекает внимание тонкостью и искренностью переживаний. В финале третьего акта голос артистки звучит как трогательная жалоба

беззащитной женщины, выделяясь из могучего хорового каскада. В знаменитой арии четвертого акта слышатся трагедия безвременно угасающей молодой жизни, бесконечная жажда любви и счастья, горечь одиночества...

Вокальное исполнение остальных участников спектакля (Альфред — *Дмитрий Головин*, Жермон — нар. артист России *Николай Копылов*) было на высоте, хотя сценически они не впол-

не убедительны (в этом можно упрекнуть режиссера спектакля С.Л.Гаудасинского).

Один из таких просчетов — образ отца, который представляется несколько буфонизированным. Дело не только в том, что такая ничем не оправдываемая вольность искажает характер музыки (партия отца, быть может, удалась Верди музыкально даже лучше, чем партия сына!), это просто сбивает слушателя с толку: неужели на Виолетту мог своим карикатурным красноречием подействовать такой субъект, подействовать настолько, чтобы она отказалась от своего счастья?

Приятной неожиданностью явилось выступление лауреата международных конкурсов *Дмитрия Каневского* в партии доктора.

Продуманный декорации и костюмы художника В.А.Окунова, выразительно и свежо оформлен последний акт оперы: бедная мансарда, голые стены, скромная кровать за ширмой — все это без слов говорит о трагической участи Виолетты.

Дирижер, заслуженный артист России А.А.Аниханов, пластично раскрывает мелодическое богатство партитуры Верди; только отдельные преувеличенные фермато, которые он позволяет певцам (сцена с Альфредом и партия Виолетты в первом акте), несколько нарушают строгий музыкальный стиль спектакля.

Русский театр и русская вокальная культура внесли свою лепту в исполнительскую трактовку прекрасного творения Верди. Мы знаем, что в роли Виолетты в свое время «блистала» А.Нежданова, а Л.Собинов создал глубоко впечатляющий образ Альфреда. Сохранились сведения, что даже в Италии признавали собиновскую трактовку «эталонной». Существуют архивные записи певца, в которых партия Альфреда исполняется на русском языке. И очень хочется, чтобы наши театры возвратились к этой доброй традиции, а в опере вновь зазвучала наша родная речь.

Александр Ивашкевич,
студент IV курса ИТФ

ХОРОВАЯ ПАЛИТРА

В рамках XX Международного фестиваля православной музыки в России состоялся удивительный концерт духовной музыки — в Большом зале консерватории выступил мужской хор Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

Руководитель и регент коллектива — выпускник дирижерского факультета Московской консерватории (кл. проф. Б.Тевлина, проф. И.Дронова) Владимир Горбик. Концерт посетили епископ Саратовский и Вольский Лонгин и настоятель Московского подворья Свято-Троиц-

кой Сергиевой Лавры игумен Дионисий (Колесник).

Основанный В.Горбиком в 1994 году, мужской хор поет не только на богослужениях в Троицком храме подворья, но и ведет активную концертную деятельность. В 2000 году он стал

лауреатом I премии XIX международного фестиваля церковной музыки в г. Хайнувка (Польша).

Уже при подходе к БЗК наблюдался редкий для хоровых концертов ажиотаж под названием «лишний билетик?». В самом же фойе контролер в отчаянной

борьбе с безбилетной дамой звала на помощь охрану. Те же, кому удалось попасть в зал, с нетерпением ждали первых звуков.

I отделение было посвящено песнопениям Вечерни Прощеного воскресения. Коллектив представил на суд зрителей произведения Кастаньского, Чеснокова, Веделя, Велиумова, Третьякова, Ладыженского. В преддверии Великого поста особый успех у слушателей имел концерт Архангельского «Помышляю день страшный» и хор Веделя «Покаяния отверзи ми двери», своей глубиной и стройностью повергший зал в состояние глубокого оцепенения.

Во II отделении прозвучали труднейшие концерты Бортнянского, Березовского, Чеснокова, Архангельского, Ледковского, вызвавшие длительные овации переполненного зала. Исполнение отличалось такой насыщенной палитрой хоровых красок, что порой сам дирижер напоминал художника с кистью в руке.

В наше время часто говорят об упадке хоровой культуры. Этот концерт опроверг бытующее мнение. Хоровая культура возрождается, живет и продолжает радовать нас такими вот вечерами.

Анастасия Духименная, студентка II курса ДФ

МОЖНО ЛИ ОБЪЯТЬ НЕОБЪЯТНОЕ?

Еще в далекие школьные годы я испытывал повышенный интерес к музыкально-теоретическим предметам. В училище окружавшие меня педагоги-теоретики в один голос утверждали, что я рожден для занятий теорией. В консерваторию поступил как пианист, но уже на втором курсе созрело твердое решение перейти на историко-теоретический факультет. Он представлялся мне чем-то таинственным, чарующим, притягательным — неким Олимпом, где обитает интеллектуальная элита консерваторского студенчества. Жизнь теоретика казалась насыщенной, интересной, обладающей многими преимуществами — по сравнению с бытием студента-исполнителя.

Я думал, что учеба на ИТФ обеспечит мне спокойное, стабильное существование, которое, с одной стороны, позволит реализовать свои художественные потребности, с другой — лишено творческих кризисов (которые буквально преследовали меня в пианистической деятельности). Привлекало разнообразие учебных дисциплин; с большим любопытством рассматривал я расписание факультета: какие соблазнительные названия! «Музыка как вид искусства!» «Музыкально-теоретические системы!» «Архивное дело!» «История оркестровых стилей!» И я смогу осваивать все эти предметы подробно, обстоятельно и глубоко. Это настоящий пир для ума.

Музыковедческая деятельность прельщала меня и тем, что ее результаты вполне материальны, осязаемы, чего не скажешь о труде исполнителя. От успешного выступления на концерте остаются лишь приятные воспоминания (в лучшем случае — аудиозапись); удачная исследовательская работа, будучи написанной, останется на бумаге (а может быть, ее даже опубли-

куют). Это позволяет убедиться в том, что ты не зря потрудились.

Наконец, оказавшись теоретиком, я не буду оторван от живой музыкальной практики. Игра на рояле по-прежнему останется в числе моих трепетных увлечений. Можно будет, как и раньше, посещать концерты, расширять свой слуховой опыт.

Одним словом, передо мной открывались весьма привлекательные перспективы. И я прикинул к рядам музыковедов. Но...

Стабильное, размеренное существование обернулось вечной нехваткой времени, постоянным ощущением, что что-то не сделано, что-то на тебе «висит». Осилить тяжеленный зачет по полифонии, думаешь: вот теперь можно вздохнуть с облегчением, — и тут же вспоминаешь, что через два дня предстоит сдавать историю музыки (готовиться еще и не начинал)...

Мечта о жизни без творческих кризисов растаяла, как сон прекрасный. Оказалось, что и теоретик от этих кризисов отнюдь не застрахован. Если работать «на износ», пытаясь удовлетворить всем требованиям, рано или поздно наступит пресыщение, когда уже ничего не хочется делать и «весь свет не мил».

Разнообразие учебных дисциплин... Несомненно, каждый предмет содержит нечто интересное, полезное, необходимое. Но когда их такое количество... Берешь в читальном зале очередную партитуру литературы, открываешь первую попавшуюся книгу, увлекаешься чтением; через час-другой вспоминаешь, что тебя ждут еще шесть-семь книг, которые необходимо проработать именно сегодня. А каждый преподаватель, разумеется, убежден в том, что именно его предмет — самый важный, и требует от учащихся соответствующего отношения. Как же быть?

Музыковед не должен терять связи с музыкальной практикой — иначе он превратится в «кабинетного работника», сухого и скучного. Но легко ли выбраться в концертный зал? Видишь интересную афишу, говоришь себе: надо обязательно сходить. Да, но ведь сегодня вечером нужно срочно дописать фугу, а еще сделать задание по анализу. С мечтой пойти на концерт приходится расстаться...

Основная проблема заключается не в том, что учебный процесс на ИТФ безумно перегружен и бедным студентам некогда вздохнуть свободно. Это вполне обычная ситуация. (Студентам-медикам, например, еще тяжелее, чем нам: на первом курсе им приходится заучивать на латыни названия каждой детали человеческого организма!) Музыкально-теоретическая наука не имеет обозримых границ; с каждым годом безбрежный океан знаний становится все обширнее. В любую из областей музыковедения можно углубляться до бесконечности. И бессмысленно пытаться узнать и выучить все.

Музыкально-теоретическая наука не имеет обозримых границ; с каждым годом безбрежный океан знаний становится все обширнее. В любую из областей музыковедения можно углубляться до бесконечности. И бессмысленно пытаться узнать и выучить все.

Значит, основная задача студента-теоретика — разумно организовать свое время. Надо научиться из колоссальных объемов информации отбирать самое необходимое. Вовсе не следует в каждую из дисциплин заглядывать с головой. Уровень учебной нагрузки определяют не преподаватели, а сам учащийся; этот уровень нужно устанавливать себе самому. Чтобы не «терять голову» и не доводить себя до нервного истощения...

Прав был мудрый Козьма Прутков: «Нельзя объять необъятное».

Григорий Рышко, студент III курса ИТФ

НА ВСТРЕЧУ КОНКУРСУ

Московская консерватория (а также музыкальная школа №16 имени Я.Флиера) разными творческими актами отметили 95-летие со дня рождения выдающегося музыканта, исполнителя и педагога Якова Владимировича Флиера. Череда художественных приношений продолжится и в 2008 году: с 1 по 6 апреля на родине пианиста, в городе Орехово-Зуево Московской области, состоится *Третий Всероссийский конкурс юных пианистов имени Якова Флиера*.

Первые два конкурса, которые проводились, соответственно, в 2002 и 2005 годах, стали для многих учащихся детских школ стартовой площадкой. Отмеченные лауреатскими званиями, наиболее талантливые участники получили возможность продолжить свое образование в Москве (в ЦМШ и Музыкальном колледже при МГК, а также в Музыкальном училище им. Гнесиных) и в Ярославле. Отдельные представители стали поддерживать программу «Новые имена» Подмосковья.

В Третьем Всероссийском конкурсе примут участие более 50 юных пианистов из 20 городов Московской области, Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Екатеринбурга, Кемеровской области, Молдовы. Жюри конкурса

как всегда возглавит народный артист Армении, профессор Московской консерватории Ю.С.Айрапетян. В дни конкурса состоятся концертные выступления членов жюри: заслуженной артистки РФ профессора МГК Е.Кузнецовой, народного артиста

Белоруссии, лауреата Госпремии профессора И.Оловникова. Мастер-класс проведет председатель жюри Ю.С.Айрапетян.

Юные пианисты и их педагоги, гости конкурса из разных уголков России смогут увидеть документальный фильм «Рыцарь романтизма», снятый телеканалом «Культура» к 95-летию Я.В.Флиера.

Конкурс финансируется Министерством культуры Московской области, Администрацией г.Орехово-Зуево, ДШИ имени Я.Флиера. Финансовую помощь оказывает городское отделение партии «Единая Россия».

Светлана Черноморская, аспирантка ИТФ

Портрет Я.В.Флиера подарен М.М.Шемякиным Музею им. Н.Г.Рубинштейна

ЗАКОННОЕ МЕСТО

Начиная педагогическую деятельность, молодой преподаватель сталкивается с рядом проблем, причем зачастую очень неожиданных. Индивидуальные занятия, быть может, вести не так сложно, как читать развернутые лекции. Но понять, насколько студент усвоил материал, можно исключительно в общении с учеником. Я уже не первый год преподаю в «Мерзляковке», причем веду именно индивидуальные занятия. Мой предмет — полифония.

Раньше полифония преподавалась на четвертом курсе. А теперь эту дисциплину, одну из сложнейших, переместили на первый. Представьте разницу: в последний год обучения студент уже прошел гармонию, форму, курс музыкальной литературы, не говоря об элементарной теории. Конечно, он уже владеет ключами *до*, на уроках сольфеджио приучился видеть перед глазами хоровую партитуру... А на первом курсе?!

Первокурсник, в сущности, — выпускник детской музыкальной школы. Что он умеет и знает? Ключи *до* для него — страшные звери. К тому же нередко на бедного страдальца набрасывается несколько зверей одновременно. Ученику-первокурснику с большим трудом удастся услышать внутренним слухом даже одну мелодию. А

ему предлагают написать пятиголосную двойную фугу в партитуре, соблюдая строжайшие правила! Без этого не получить зачет уже к завершению *первого* полугодия, когда проходится *строгий стиль*.

Где здесь логика? Где здравый смысл? Кто и зачем переместил полифонию в самое начало обучения? Педагоги удивляются: почему у первокурсников расшатаны нервы и здоровье. А все очень просто. Ведь ученики осваивают премудрости сложного контрапункта по ночам, и все равно сдать к сроку предмет не могут.

Но все же кто-то успевает? — спросите вы. Успевают лишь те, чей возраст намного превосходит возраст обычного первокурсника. Некоторые из них приехали из других городов и успели отучиться год, а то и два, в своем «родном» училище. Приведу в пример мою лучшую ученицу. Ей уже двадцать, и она не только знает элементарную теорию, но и освоила половину курса гармонии до того как переселилась в Москву и поступила к нам в училище.

Есть ли выход из сложившейся ситуации? Только единственный. Вернуть полифонию на ее законное место в учебном плане!

Елена Ровенко, студентка III курса ИТФ